ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ҒЫЛЫМДАРЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIO-ECONOMIC AND LEGAL SCIENCES

CENTRAL ASIAN SCIENTIFIC JOURNAL
ISSN 3135-3061
2026. №4 (32), Том 3. С. 80–87
DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.24557339
Сайт журнала: https://cajournal.kz

УДК 339.56

КОРЕЙСКАЯ КОСМЕТИКА В КАЗАХСТАНЕ, КЫРГЫЗСТАНЕ И РОССИИ: СРАВНЕНИЕ ДАННЫХ ЭКСПОРТЁРА И ИМПОРТЁРОВ ЗА 2015–2024 ГГ.

А. Патык
Элитная казахская школа «Заман», Алматы, Казахстан

Патык Айзере — ученица 9 класса, Элитная казахская школа «Заман», Алматы, Казахстан.

Научный руководитель: Куракбай Мырзабек — ментор образовательной программы ADMIT, Институт науки и технологий Кванджу (GIST), Кванджу, Южная Корея.

© А. Патык, 2026

Аннотация: Цель работы – сопоставить экспорт косметики (товарная позиция 3304 Гармонизированной системы) из Республики Корея в Казахстан, Кыргызстан и Россию по данным Кореи с ввозом этих стран из Кореи по их собственным данным и проверить, может ли расхождение объясняться браком и подделками. Использованы годовые данные базы UN Comtrade за 2015–2024 гг. (для России – за 2015–2021 гг.) и метод зеркальной статистики. За десять лет экспорт Кореи в Казахстан по данным Кореи составил 317,9 млн долл. США, а ввоз Казахстана из Кореи по данным Казахстана – 81,9 млн долл., то есть в 3,9 раза меньше; для Кыргызстана кратность составила 11,2, для России за 2015–2021 гг. – 1,4 (для Казахстана за те же годы – 3,3). По массе нетто кратность для Казахстана равна лишь 1,9, а стоимость килограмма в его данных в 2,0 раза ниже (12,2 против 24,8 долл. за кг), то есть разрыв складывается из недостающих тонн и разной оценки стоимости. Подделки, сделанные вне Кореи и не вывезенные из неё, в данных Кореи об экспорте отсутствуют, задержка до двух лет разрыв не объясняет, а возврат и уничтожение товара не объясняют более низкую стоимость килограмма; данные показывают размер разрыва, но не путь товара и не его причину.

Ключевые слова: зеркальная статистика, внешняя торговля, корейская косметика, Казахстан, Кыргызстан, ЕАЭС, UN Comtrade, расхождения торговой статистики

Введение

Ранее в опросе девочек 13–16 лет в Казахстане [1] частота просмотра контента о корейской косметике и уходе за кожей была связана с числом корейских косметических средств, купленных за последние три месяца (коэффициент Спирмена $\rho = 0{,}289$, $p = 0{,}015$, $n = 70$). Здесь вопрос поставлен на уровне страны: насколько расходятся данные Кореи и Казахстана о поставках косметики между ними и какие объяснения этого можно проверить по открытым данным.

Каждая внешнеторговая поставка учитывается дважды: страна-экспортёр записывает её в свой экспорт, а страна-импортёр – в свой импорт. Сопоставление этих двух записей называют методом зеркальной статистики. Если бы обе записи были точными, полными и велись по одинаковым правилам отнесения к стране-партнёру, экспорт Кореи в Казахстан почти совпадал бы с ввозом Казахстана из Кореи, а ввоз даже превышал бы экспорт, потому что в его стоимость входят доставка и страховка (см. раздел «Материалы и методы»).

Расхождения между такими записями давно изучаются как признак занижения стоимости ввозимых товаров и уклонения от пошлин [2, 3].

По данным базы UN Comtrade [4], в 2024 г. Корея экспортировала средства для макияжа и ухода за кожей (товарная позиция 3304) во все страны мира на 8 566,6 млн долл. США, а Казахстан ввёз такие товары из всех стран на 281,3 млн долл. против 90,7 млн долл. в 2015 г. При этом, как показано ниже, экспорт Кореи в Казахстан по данным Кореи каждый год в несколько раз больше ввоза из Кореи по данным Казахстана. Для сравнения взяты два других члена Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – Кыргызстан и Россия.

Исходная гипотеза автора, записанная после первого знакомства с этим разрывом, была такой: «Может быть среди этих продуктов были подделки и брак. Поэтому число настолько меньше. И еще может некоторые продукты не запустили через таможню, задерживаются там». Вторая часть гипотезы касалась пути товара: «На маркетплейсах часто могут продаваться подделки. Мне кажется не все магазины завозят свои продукты напрямую из Кореи. Они скорее всего покупают из Китая, Вьетнама, Индии и т. д.». Из этих объяснений на первое место автор поставила подделки и брак: «Думаю что бракованные и поддельные товары сразу утилизируют или отправляют обратно. Но даже так разрыв большой».

Цель работы – измерить разрыв между данными Кореи и данными стран-импортёров по косметике за 2015–2024 гг. и проверить, может ли его объяснить гипотеза автора: возврат или уничтожение бракованных и поддельных товаров, а также задержка товара на таможне.

Обзор литературы

Бхагвати применил сравнение данных торговых партнёров к импорту Турции: сопоставив её данные с данными партнёров, он пришёл к выводу, что расхождения объясняются занижением стоимости импорта в декларациях [2]. Фисман и Вэй сравнили экспорт Гонконга в Китай с ввозом Китая из Гонконга по тем же товарам и назвали разницу «разрывом уклонения»; повышение суммарной ставки пошлины и НДС на один процентный пункт было связано с ростом этого разрыва примерно на 3% [3]. Яворчик и Нарчизо на данных торговли Германии с десятью странами Восточной Европы за 1992–2003 гг. показали, что разрыв между экспортом по данным Германии и импортом по данным страны-партнёра растёт вместе с пошлиной, и сильнее – для дифференцированных товаров [5]. Феррантино, Лю и Ван на данных торговли Китая и США нашли признаки занижения экспорта на китайской границе (чтобы не платить налог на добавленную стоимость) и уклонения от пошлин на границе США [6].

Не всякий разрыв означает уклонение. Хаммелс и Луговский проверили, можно ли по соотношению импорта и экспорта в таких зеркальных данных измерить транспортные расходы, и пришли к выводу, что рассчитанные по данным МВФ соотношения СИФ/ФОБ в абсолютном выражении сильно искажены ошибками [7].

Для Центральной Азии зеркальная статистика использовалась при изучении базарной торговли: Каминский и Раболлан, сопоставив зеркальные данные с платёжным балансом, оценили, что до трёх четвертей товаров, ввезённых в Кыргызстан, неофициально реэкспортировались в другие страны Центральной Азии; речь шла о китайских потребительских товарах [8]. Чупилкин, Яворчик и Плеханов показали, что в 2022–2023 гг. часть европейских товаров, вывоз которых в Россию был запрещён санкциями, попадала туда через Армению, Казахстан и Кыргызстан [9]. Эти работы показывают, что Казахстан и Кыргызстан служат транзитными площадками, и это нужно учитывать при чтении зеркальных данных. В настоящей работе тот же метод применён к одной товарной позиции – корейской косметике – и к трём рынкам ЕАЭС.

Материалы и методы

Данные выгружены из открытой базы UN Comtrade [4] через её публичный программный интерфейс 19 ноября 2026 г.: годовые значения в долларах США по товарной позиции 3304 за 2015–2024 гг., по всем видам транспорта и всем таможенным режимам вместе. Для каждой страны взяты два ряда: экспорт Кореи в эту страну по данным Кореи и

ввоз этой страны из Кореи по её собственным данным. Дополнительно взяты экспорт Кореи во все страны, ввоз Казахстана и Кыргызстана по позиции 3304 из всех стран, ввоз Казахстана из Китая и ввоз Кореи той же позиции из Казахстана; записи Кореи о ввозе этой позиции из самой Кореи и о реимпорте и реэкспорте в торговле с Казахстаном и Кыргызстаном выгружены 25 ноября 2026 г. Данных России о ввозе за 2022–2024 гг. в базе нет, поэтому для неё сравнение ограничено 2015–2021 гг.

Для каждой страны и года рассчитаны разрыв (экспорт Кореи минус ввоз страны из Кореи, млн долл.) и кратность (экспорт Кореи, делённый на ввоз страны из Кореи). Годовые значения приведены в таблице 1 (Казахстан) и таблице 2 (Кыргызстан и Россия) вместе с суммами за 2015–2021 и 2015–2024 гг. Все расчёты по данным UN Comtrade выполнены программой по выгруженным данным; суммы округлены до 0,1 млн долл. (значения меньше 0,1 млн долл. – до 0,01 млн долл.), масса – до 1 т, кратности и стоимость килограмма – до 0,1.

По рекомендациям ООН экспорт учитывается по стоимости типа ФОБ (на границе страны-экспортёра), а импорт – по стоимости типа СИФ (с доставкой и страховкой до границы страны-импортёра) [10, п. 4.8]; так учитывают торговлю Корея, Казахстан, Кыргызстан и Россия [11]. Поэтому при точном учёте и одинаковом отнесении к стране-партнёру ввоз должен быть больше экспорта. Здесь ввоз меньше, значит, разница между ФОБ и СИФ разрыв не создаёт, а уменьшает: без неё разрыв был бы ещё больше. Кроме того, импорт учитывается по стране происхождения товара, а экспорт – по стране последнего известного назначения [10, п. 6.25] (так учитывают и эти четыре страны [11]), и данные, собранные по этим двум правилам, часто несопоставимы [10, п. 6.26]. Это различие действует в обе стороны. Корейская косметика, пришедшая в Казахстан через Китай, по правилу происхождения записывается Казахстаном как ввоз из Кореи, а Корея запишет её как экспорт в Казахстан, только если знала, что товар идёт туда; это уменьшает разрыв. Товар, вывезенный из Кореи, но произведённый в другой стране, Корея запишет как экспорт в Казахстан, а Казахстан – как ввоз из страны происхождения; это увеличивает разрыв. Записей о реэкспорте этой позиции из Кореи в Казахстан в базе нет ни за один год 2015–2024 гг.; это может означать и то, что Корея не выделяет реэкспорт, поэтому доля такого товара в работе не проверялась.

Записи за 2015–2016 гг. относятся к редакции Гармонизированной системы 2012 г., за 2017–2021 гг. – к редакции 2017 г., за 2022–2024 гг. – к редакции 2022 г.; в каждом году Корея и страна-импортёр использовали одну и ту же редакцию. Значения за 2015–2016 гг. (для России – за 2015 г.) помечены в базе как сообщённые страной, а за остальные годы – как агрегированные Статистическим отделом ООН [4].

Кроме стоимости, в базе приведена масса нетто. Для торговли Кореи с Казахстаном ни одно значение массы за 2015–2024 гг. не помечено как оценка, поэтому для Казахстана рассчитаны кратность по массе и стоимость килограмма в данных каждой стороны (таблица 3). Для Кыргызстана в каждом году 2015–2024 гг. хотя бы в одном из рядов масса помечена как оценка, и сравнение по массе для него не проводилось.

Результаты

В общем Корея пишет что продала Казахстану продукты на 317,9 млн долларов, а Казахстан пишет что ввезли продукты на 81,9 млн долларов это в 3,9 раза меньше, и разрыв 235,9 млн долларов.

Корея пишет что продала Кыргызстану продуктов на 279,8 млн долларов, а Кыргызстан пишет что ввезли только на 25,0 млн долларов это в 11,2 раза меньше, и при этом туда со всего мира косметику ввезли на 238,6 млн долларов. Это меньше чем ввоз из Кореи.

От России данные только до 2021 года, до этого времени Россия записала себе 164,1 млн долларов. А Корея в 2021 записала 228,8 млн долларов, разница в 1,4 раза.

Больше всего разницы в подсчетах в Кыргызстане, в 2018 году разница между подсчетами в 34 раза. В России всё наоборот, и самая большая разница у них была в 1,7 раза. Казахстан находится между ними и туда завезли больше всего продуктов. Такие различия

могут происходить из-за брака и подделок. Их сразу отправляют обратно или утилизируют. Это моя догадка. Проверить гипотезу о возврате и браке по этим данным нельзя, потому что реимпорт в статистике не показан. Более того средняя цена за килограмм в Казахстане 12,2 доллара, а в Корее 24,8 доллара, и недоучет почти половины поставок показывает что разрыв в статистике нельзя объяснить только браком и возвратами.

Таблица 1 – Косметика (позиция 3304): экспорт Кореи в Казахстан и ввоз Казахстана из Кореи, млн долл. США

Год	Экспорт Кореи в Казахстан	Ввоз Казахстана из Кореи	Разрыв	Кратность	Ввоз Казахстана из Китая
2015	8,9	1,8	7,1	5,0	4,7
2016	7,8	1,9	5,9	4,1	5,2
2017	10,3	3,0	7,3	3,4	7,8
2018	20,1	3,9	16,2	5,2	11,1
2019	19,2	6,1	13,1	3,2	15,4
2020	25,2	7,8	17,5	3,2	17,3
2021	37,1	14,7	22,5	2,5	27,5
2022	42,5	9,5	33,0	4,5	38,6
2023	63,0	15,5	47,5	4,1	33,0
2024	83,7	17,9	65,8	4,7	22,0
2015–2021	**128,7**	**39,1**	**89,6**	**3,3**	**89,0**
2015–2024	**317,9**	**81,9**	**235,9**	**3,9**	**182,6**

Источник: составлено по данным UN Comtrade [4]. Итоги, разрывы и кратности рассчитаны по неокруглённым значениям.

Таблица 2 – Косметика (позиция 3304): данные Кореи и данные Кыргызстана и России, млн долл. США

Год	Корея → Кыргызстан	Кыргызстан ← Корея	Кратность (Кыргызстан)	Кыргызстан ← все страны	Корея → Россия	Россия ← Корея	Кратность (Россия)
2015	0,7	0,04	16,5	10,8	28,9	16,6	1,7
2016	2,2	0,4	6,0	26,2	39,9	27,2	1,5
2017	5,8	0,8	7,3	20,7	80,8	59,8	1,4
2018	9,8	0,3	34,0	21,7	134,4	100,0	1,3
2019	19,3	0,9	21,1	15,7	180,7	137,3	1,3
2020	22,5	1,3	17,5	10,2	196,1	138,3	1,4
2021	36,6	1,9	19,1	19,4	228,8	164,1	1,4
2022	47,2	3,9	12,1	32,6	221,3	–	–
2023	61,9	8,3	7,5	41,7	316,2	–	–
2024	73,9	7,2	10,3	39,7	322,3	–	–
2015–2021	**96,8**	**5,6**	**17,3**	**124,6**	**889,5**	**643,4**	**1,4**
2015–2024	**279,8**	**25,0**	**11,2**	**238,6**			

Источник: составлено по данным UN Comtrade [4]. Стрелка → – экспорт по данным Кореи, ← – ввоз по данным страны-импортёра; «–» – данных России за 2022–2024 гг. в базе нет. Итоги и кратности рассчитаны по неокруглённым значениям; при ввозе меньше 1 млн долл. кратность неустойчива.

Таблица 3 – Косметика (позиция 3304): масса нетто и стоимость килограмма в данных Кореи и Казахстана

Год	Корея → Казахстан, т	Казахстан ← Корея, т	Кратность по массе	Долл. за кг по данным Кореи	Долл. за кг по данным Казахстана
2015	217	127	1,7	40,8	14,0
2016	273	182	1,5	28,7	10,6
2017	453	289	1,6	22,7	10,4

2018	1 843	383	4,8	10,9	10,2
2019	1 629	659	2,5	11,8	9,2
2020	1 228	853	1,4	20,6	9,1
2021	1 357	887	1,5	27,4	16,5
2022	1 566	941	1,7	27,1	10,1
2023	1 848	1 156	1,6	34,1	13,4
2024	2 398	1 245	1,9	34,9	14,3
2015–2024	**12 814**	**6 721**	**1,9**	**24,8**	**12,2**

Источник: составлено по данным UN Comtrade [4]. Масса – в тоннах; ни одно значение массы не помечено в базе как оценка. Итоги и кратности рассчитаны по неокруглённым значениям.

Обсуждение

Гипотеза автора объясняла разрыв прежде всего подделками и браком, и её можно проверить по частям. Подделки, сделанные вне Кореи и не вывезенные из Кореи, в её данных об экспорте отсутствуют. Поэтому они не могут сделать экспорт Кореи больше ввоза Казахстана: если такой товар ввезён официально, Казахстан записывает его как ввоз из страны, где он сделан, а если он ложно заявлен как корейский, то увеличивает ввоз из Кореи и тем уменьшает разрыв. Подделки могут объяснять, почему на рынке много «корейской» косметики, но не разрыв между двумя записями об одних и тех же поставках из Кореи.

Возврат брака в Корею по этим данным проверить нельзя. Для такой проверки можно было бы взять ввоз позиции 3304 в Корею из Казахстана: в 2024 г. он составил 0,08 млн долл. при разрыве 65,8 млн долл. Однако ввоз учитывается по стране происхождения, поэтому эти 0,08 млн долл. – ввоз товара казахстанского происхождения, а возвращённый корейский товар страна может записать как ввоз из самой себя [10, п. 6.29]. Таких записей у Кореи по позиции 3304, как и записей о реимпорте из Казахстана, в базе нет ни за один год 2015–2024 гг. Это может означать как отсутствие возвратов, так и то, что такие записи не передаются в UN Comtrade, поэтому объём возвратов остаётся неизвестным.

Возврат и уничтожение бракованного или поддельного товара на границе Казахстана можно оценить только по масштабу: чтобы объяснить разрыв 2024 г. по стоимости, пришлось бы вернуть или уничтожить около 79% всего, что Корея, по её данным, отправила в Казахстан (65,8 из 83,7 млн долл.), а по массе – около 48% тонн. Это оценка масштаба, а не проверка: сведений об объёме возвращённой или уничтоженной косметики в использованных источниках нет.

Задержка на таможне переносит запись о ввозе на более поздний срок, но не отменяет её: товар, задержанный в одном году, был бы записан в одном из следующих. При быстром росте поставок даже постоянная задержка давала бы разрыв в каждом году, поэтому одного того, что экспорт Кореи превышал ввоз Казахстана из Кореи в каждом году с 2015 по 2024 г. (кратность от 2,5 до 5,2), недостаточно. Чтобы проверить задержку, ввоз Казахстана каждого года сравнён с экспортом Кореи за предыдущий год: ввоз меньше в каждом году с 2016 по 2024 г. (например, в 2024 г. 17,9 млн долл. против 63,0 млн долл. экспорта Кореи в 2023 г.), а за 2016–2024 гг. в целом – 80,2 млн долл. против 234,2 млн долл. экспорта Кореи за 2015–2023 гг.; при сдвиге на два года – тоже в каждом году с 2017 по 2024 г. Поэтому задержкой до двух лет этот разрыв объяснить нельзя. Если же часть товара вообще не прошла таможенное оформление, она не попадает в статистику ввоза; это объяснение рассмотрено ниже.

Сравнение по массе нетто (таблица 3) показывает, что разрыв состоит из двух частей. За 2015–2024 гг. Корея, по её данным, отправила в Казахстан 12 814 т косметики, а Казахстан записал ввоз из Кореи 6 721 т, то есть кратность по массе равна 1,9, тогда как по стоимости – 3,9. Стоимость килограмма в данных Кореи составила 24,8 долл., в данных Казахстана – 12,2 долл., и в каждом году она была ниже у Казахстана. Кратность по стоимости равна произведению кратности по массе и отношения стоимостей килограмма (1,9 × 2,0 ≈ 3,9), то есть примерно поровну зависит от недостающих тонн и от разной оценки стоимости одного и того же товара. Возврат, уничтожение и задержка убирают из учёта

товар целиком и стоимость килограмма не меняют, поэтому вторую часть они объяснить не могут. Более низкая стоимость килограмма в данных импортёра согласуется с занижением стоимости при ввозе [3, 5, 6], но может объясняться и ошибками в учёте стоимости или массы на любой из сторон; эти данные не позволяют их различить.

В Кыргызстане кратность ещё больше. В 2019–2024 гг. Корея, по своим данным, каждый год отправляла туда косметики на бóльшую сумму, чем Кыргызстан записал ввоза этой позиции из всех стран мира вместе. За десять лет экспорт Кореи в Кыргызстан (279,8 млн долл.) превысил весь ввоз Кыргызстана по позиции 3304 (238,6 млн долл.) на 41,2 млн долл., то есть по меньшей мере эта часть записанного Кореей экспорта в стоимостном выражении не отражена в данных Кыргызстана о ввозе позиции 3304 ни из одной страны. Это может означать как отсутствие части поставок в данных Кыргызстана, так и более низкую оценку их стоимости; масса для Кыргызстана в базе оценена, поэтому проверить это по массе нельзя.

В литературе есть другие объяснения таких разрывов. Первое – занижение стоимости или количества товара при ввозе, чтобы платить меньше пошлин и налогов [3, 5, 6]. Второе – транзит. Товары перемещаются между странами ЕАЭС без таможенного декларирования [12, ст. 25, п. 1, подп. 5], а Кыргызстан входит в союз с 12 августа 2015 г. [13]. Суммарно по Казахстану, Кыргызстану и России экспорт Кореи за 2015–2021 гг. (1 114,9 млн долл.) превышает их ввоз из Кореи (688,1 млн долл.), поэтому перемещение товара между этими тремя странами их общий разрыв не объясняет. Разрывы Казахстана и Кыргызстана по отдельности оно объяснить может: если бы весь их разрыв за 2015–2021 гг. (180,8 млн долл.) был оформлен как ввоз из Кореи в России, кратность для прямых поставок Кореи в Россию составила бы около 1,9. Кроме того, около 62% разрыва Казахстана и 64% разрыва Кыргызстана приходятся на 2022–2024 гг., для которых данных России нет. Перемещение товара в Беларусь, Армению или за пределы союза (например, в Узбекистан) в работе не проверялось. Неофициальная перепродажа ввезённых в Кыргызстан товаров соседям описана в [8], но она объясняет разрыв, только если часть ввоза не регистрировалась. Третье – ввоз без таможенного оформления (контрабанда), который не попадает в статистику ввоза. Четвёртое – различия и ошибки в учёте на любой из сторон: товар может попасть в другую товарную позицию или быть отнесён к другой стране-партнёру, а стоимость может быть ошибочно завышена в данных экспортёра. Данные Comtrade не позволяют разделить эти объяснения, и в работе они не проверялись.

Вторая часть гипотезы – что магазины покупают корейскую косметику в Китае и других странах – касается пути товара. Казахстан за 2015–2024 гг. записал ввоз позиции 3304 из Китая на 182,6 млн долл., то есть больше, чем из Кореи (81,9 млн долл.). Но в таможенной статистике нет марок, поэтому по ней нельзя узнать, какая часть ввоза из Китая – корейские марки (настоящие или поддельные), а какая – другие. Кроме того, настоящая корейская косметика, купленная в Китае, по правилу страны происхождения должна записываться как ввоз из Кореи. Таким образом, данные показывают размер разрыва, но не путь, по которому товар приходит на рынок.

Ограничения

У работы есть ограничения. Использованы одна база данных и одна товарная позиция; национальная статистика Казахстана и данные Узбекистана не проверялись. В данных нет марок, поэтому подделку нельзя отличить от оригинала. Сведений о возвращённом и уничтоженном на границе товаре нет. Для России нет данных за 2022–2024 гг. Значения за разные годы относятся к разным редакциям Гармонизированной системы, и их сопоставимость по таблицам соответствия не проверялась; на разрыв внутри одного года это не влияет, но может влиять на сравнение лет. При ввозе меньше 1 млн долл. в год кратность неустойчива: например, кратность 34,0 для Кыргызстана в 2018 г. рассчитана при ввозе 0,3 млн долл. Сравнение по массе сделано только для Казахстана, потому что для Кыргызстана масса в базе оценена. Товар, который не был задекларирован, в официальной статистике не отражается.

© Central Asian Scientific Journal, 2026

Заключение

За 2015–2024 гг. экспорт косметики (позиция 3304) из Кореи в Казахстан по данным Кореи составил 317,9 млн долл., а ввоз из Кореи по данным Казахстана – 81,9 млн долл., то есть около 26% этой суммы. Разрыв есть в каждом году. По массе Казахстан записал около 52% тонн, отправленных Кореей, а стоимость килограмма в его данных примерно в 2,0 раза ниже. В Кыргызстане кратность больше (11,2), и с 2019 г. экспорт Кореи туда в стоимостном выражении каждый год превышает весь ввоз Кыргызстаном этой позиции из всех стран. В России в 2015–2021 гг. кратность была меньше: 1,4 против 3,3 у Казахстана за те же годы (в млн долл. разрыв России больше, потому что больше и сами поставки).

Проверка гипотезы автора показала, что задержки на таможне до двух лет не объясняют разрыв, а подделки, сделанные вне Кореи и не вывезенные из неё, в данные Кореи об экспорте не входят. Возврат и уничтожение товара по этим данным проверить нельзя; для объяснения разрыва 2024 г. они должны были бы затронуть около 79% поставок по стоимости и около 48% по массе, и они не объясняют более низкую стоимость килограмма в данных Казахстана. Поэтому брак и подделки могут объяснять лишь часть разрыва. Разница в стоимости килограмма согласуется с занижением стоимости при ввозе, но может быть и следствием ошибок учёта; недостающие тонны могут объясняться транзитом, ввозом без таможенного оформления или различиями в учёте. Данные показывают размер разрыва и его состав, но не путь товара и не позволяют выбрать между этими объяснениями. Работу можно продолжить, сравнив данные UN Comtrade с национальной статистикой Казахстана и с данными Узбекистана.

Доступность данных

Все данные открыты и доступны в базе UN Comtrade [4]: товарная позиция 3304, годовые данные, страны – Корея, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Таблица с выгрузкой и программа расчётов могут быть предоставлены по запросу.

Использование инструментов ИИ и вклад автора

Автор выбрала направление исследования из двух, предложенных научным руководителем, записала исходную гипотезу и выбрала главное из её объяснений (раздел «Введение»), а также написала раздел «Результаты» по подготовленной руководителем таблице; в этих текстах исправлены только опечатки, формат чисел и в одном предложении единица измерения цены. Выгрузка данных, программа расчётов, таблицы и текст остальных разделов созданы инструментом генеративного искусственного интеллекта (Claude, Anthropic) по заданию научного руководителя. Все числа из базы UN Comtrade получены этой программой, а не написаны ИИ вручную, и перепроверены отдельным независимым пересчётом, также выполненным с помощью ИИ. Наличие и выходные данные цитируемых работ проверены по базе Crossref, аннотациям и доступным текстам. ИИ не является соавтором. Автор прочитала и одобрила окончательный текст и несёт за него ответственность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. Исследование не имело внешнего финансирования.

Список литературы:

1. Patyk A. Korean beauty content and the desire to go to Korea: a correlational survey of Kazakhstani girls aged 13-16 // Central Asian Scientific Journal. – 2026. – No. 3 (31). – P. 444–454. – URL: https://cajournal.kz/vol/2026/3(31).pdf (дата обращения: 25.11.2026).

2. Bhagwati J. On the Underinvoicing of Imports // Bulletin of the Oxford University Institute of Economics & Statistics. – 1964. – Vol. 27, No. 4. – P. 389–397. – DOI: 10.1111/j.1468-0084.1964.mp27004007.x.

3. Fisman R., Wei S.-J. Tax Rates and Tax Evasion: Evidence from “Missing Imports” in China // Journal of Political Economy. – 2004. – Vol. 112, No. 2. – P. 471–496. – DOI: 10.1086/381476.

4. United Nations. UN Comtrade Database [Электронный ресурс]. – URL: https://comtradeplus.un.org (дата обращения: 25.11.2026).

5. Javorcik B.S., Narciso G. Differentiated products and evasion of import tariffs // Journal of International Economics. – 2008. – Vol. 76, No. 2. – P. 208–222. – DOI: 10.1016/j.jinteco.2008.07.002.

6. Ferrantino M.J., Liu X., Wang Z. Evasion behaviors of exporters and importers: Evidence from the U.S.–China trade data discrepancy // Journal of International Economics. – 2012. – Vol. 86, No. 1. – P. 141–157. – DOI: 10.1016/j.jinteco.2011.08.006.

7. Hummels D., Lugovskyy V. Are Matched Partner Trade Statistics a Usable Measure of Transportation Costs? // Review of International Economics. – 2006. – Vol. 14, No. 1. – P. 69–86. – DOI: 10.1111/j.1467-9396.2006.00561.x.

8. Kaminski B., Raballand G. Entrepôt for Chinese Consumer Goods in Central Asia: The Puzzle of Re-exports through Kyrgyz Bazaars // Eurasian Geography and Economics. – 2009. – Vol. 50, No. 5. – P. 581–590. – DOI: 10.2747/1539-7216.50.5.581.

9. Chupilkin M., Javorcik B., Plekhanov A. The Eurasian roundabout: Trade flows into Russia through the Caucasus and Central Asia // European Economic Review. – 2026. – Vol. 187. – Art. 105340. – DOI: 10.1016/j.euroecorev.2026.105340.

10. Статистика международной торговли товарами: концепции и определения, 2010 год [Электронный ресурс]. – Нью-Йорк : Организация Объединённых Наций, 2011. – (Статистические документы. Серия M ; № 52/Rev. 3). – URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/seriesm_52rev3R.pdf (дата обращения: 25.11.2026).

11. United Nations. UN Comtrade API. Metadata [Электронный ресурс]. – URL: https://comtradeapi.un.org/public/v1/getMetadata/C/A/HS (дата обращения: 25.11.2026).

12. Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014 (дата обращения: 25.11.2026).

13. Евразийская экономическая комиссия. Присоединение Кыргызской Республики к ЕАЭС [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/prisoedinenie-gosudarstv-k-eaes/kr.php (дата обращения: 25.11.2026).

© Central Asian Scientific Journal, 2026